

Нагорная Александра Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры западноевропейских языков
и переводоведения
Московского городского
педагогического университета
тел.: (919) 990-40-84

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
ИНТЕРОЦЕПТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ:
СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ**

Аннотация:

В данной статье рассматриваются основные синтаксические конструкции, посредством которых осуществляется вербализация interoceptive sensations в современном английском языке. Анализируются факторы, определяющие выбор той или иной конструкции, демонстрируется связь между используемой конструкцией и специфической формой переживания телесности.

Ключевые слова:

interoceptive sensations, embodied experience, cognitive activity, categorization, verbal representation.

Nagornaya Alexandra Victorovna

Candidate of Philology,
associate professor of the chair of
West-European languages and translatology,
Moscow City Pedagogical University
tel.: (919) 990-40-84

**VERBALIZATION OF
INTEROCEPTIVE SENSATIONS:
SYNTACTIC LEVEL**

The summary:

The article considers the basic syntactic constructions which are employed to verbalize interoceptive sensations in contemporary English. The author analyzes the factors which determine the choice of the construction and demonstrates a correlation between the employed construction and a specific form of experiencing one's embodiment.

Keywords:

interoceptive sensations, embodied experience, cognition, categorization, verbal representation.

В рамках общей антропоцентрической парадигмы современных гуманитарных наук осуществляется постоянный поиск новых направлений и объектов научного исследования, изучение которых позволило бы составить наиболее полное представление о человеке во всей совокупности его проявлений. До недавних пор лишь одна ипостась человека сознательно и последовательно игнорировалась гуманитариями: человек рассматривался как существо принципиально бестелесное. «Эпистемологическая реабилитация» тела началась в гуманитарных науках лишь в последней трети XX в. Этот процесс захватил и лингвистику, которая с энтузиазмом взялась за освоение новой предметной области, по достоинству оценив притягательность и научный потенциал нового исследовательского материала.

Следует отметить, однако, что, несмотря на огромную популярность телесной проблематики в современном языкознании, существует множество малоизученных либо вовсе неисследованных областей. Лингвисты предпочитают вести разговор о тех телесных манифестациях, которые непосредственно явлены взору наблюдателя: изучаются наименования частей тела и способы номинативной проекции соматизмов на окружающий мир [1], анализируются особенности невербальной коммуникации, осуществляемой, в том числе, посредством телесных движений [2, 3], и лишь фрагментарно, пунктиром описывается сфера внутренней телесности.

Из поля зрения лингвистики до сих пор выпадала важнейшая и интереснейшая соматическая сфера – область внутрителесных ощущений, именуемых в физиологии и психологии interoceptive sensations. Это ощущения и сигналы, поступающие из внутренней среды организма и характеризующие состояние внутреннего гомеостаза [4]. В норме они обрабатываются на сублиминальном уровне и, не становясь объектом сознательной рефлексии, никак не вербализуются. Однако периодически interoception все же прорывается в поле сознания и требует подбора адекватных средств для своей словесной репрезентации. Внутреннее тело заявляет о своем существовании, посылая сигналы о физическом неблагополучии или требующих немедленного удовлетворения потребностях. Распознавание и интерпретация этих сигналов неразрывно связаны с их категоризацией, предполагающей их перевод на язык словесных знаков.

Интероцепция может с полным правом считаться одним из видов познавательной деятельности, связанной с приобретением и аккумуляцией перцептуального опыта. Известная формула дельфийского оракула – «Познай самого себя» – приобретает новое, расширительное толкование: человек должен познать не только свою нравственную сущность, но и свое внутреннее тело. Эта познавательная деятельность достаточно специфична в силу ряда объективных причин:

1. Объект познания расположен не во внешнем по отношению к человеку мире, а внутри него самого. Изучение interoцептивных процессов требует уточнения статуса субъекта и объекта познания.

2. Объект познания не доступен зрительному восприятию и не допускает возможностей произвольного манипулирования с ним посредством применения традиционных для экстероцептивного взаимодействия перцептуальных процедур. Человек не может произвольно изменять формат взаимодействия с внутренним телом.

3. Процесс приобретения interoцептивного опыта не поддается планированию и регулированию. Человек, воспитанный в культурах западного типа, не в состоянии контролировать деятельность внутреннего тела (если только он не владеет медитативными и трансовыми техниками).

4. Interoцептивные ощущения обладают «особым индексом присутствия» [5] и сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Варьируясь по степени интенсивности, они могут редуцироваться до неуловимого фона, а могут амплифицироваться до состояния перцептуальной доминанты, затмевая либо совершенно исключая все другие познавательные процессы (например, практически каждому взрослому человеку известно состояние сильной головной боли, существенно затрудняющее осуществление любых видов интеллектуальной деятельности).

5. Interoцептивные феномены в принципе не верифицируемы и принадлежат исключительно субъективной сфере индивида. Их количественные и качественные характеристики не могут подвергаться объективной оценке. Приобретаемые interoцептивные «знания» не могут оцениваться в терминах дихотомии «истинность–ложность». Внутренний телесный опыт имеет только одну модальность – истинность (Ср.: «Я не могу сомневаться в том, что у меня есть боль» [6]).

6. Естественное протекание данной познавательной деятельности находится под влиянием внешних социокультурных факторов. Проявление интереса к внутрителесным феноменам в культурах западного типа не поощряется; человеку в силу сложившихся культурно-исторических, философских и религиозных традиций предписывается быть обращенным вовне и быть открытым перцептуальному взаимодействию только с внешней средой.

Скрытый и субъективный характер interoцепции оставляет исследователю единственную возможность для ее изучения. Анализ этой познавательной деятельности и проникновение в ее суть возможны лишь на основе наблюдения за языковыми фактами – теми языковыми средствами, которые человек использует для артикуляции собственного interoцептивного опыта.

Лингвистическое изучение interoцепции может производиться в нескольких направлениях. Наиболее очевидная область лингвистического интереса – это interoцептивный словарь. Но не менее важно и изучение interoцептивного синтаксиса – тех синтаксических конструкций, которые использует человек для вербализации собственных внутрителесных ощущений.

Как известно, разнообразие синтаксических структур в языке напрямую связано с разными способами категоризации мира его носителями [7, с. 14]. Мир внутренней телесности не представляется исключением из этого правила. Но анализ синтаксических структур, используемых для артикуляции interoцептивных ощущений, способен выявить и более глубокие, мировоззренческие установки, касающиеся осмысления факта собственной телесной воплощенности.

На протяжении многих веков в философии не прекращаются споры о том, чем является для человека его тело. Суть этих споров можно компактно выразить в вопросе «Есть ли я мое тело или же у меня есть тело?» [8, с. 166]. Ответ на него был отчасти найден во введении противопоставления между телом и телесностью и закрепившейся традицией отождествления тела с биологическими, а телесности – с духовными характеристиками человека [9, 10]. Однако анализ языковых фактов доказывает искусственность этого противопоставления и необходимость ввода более гибкой, диалектически организованной интерпретационной модели.

Описание interoцептивных ощущений может строиться и по модели «Я есть тело», и по модели «У меня есть тело». Сравнительный анализ примеров этих двух типов позволяет выявить факторы, обуславливающие выбор соответствующего способа концептуализации. Главным из них является тип локализации interoцептивного ощущения.

Ощущение может восприниматься двумя основными способами:

1) как захватывающее все телесное пространство (генерализованное ощущение). Такое ощущение общего благополучия или неблагополучия называется в психологии «валовым чувством» (И.М. Сеченов) или *rigor vitalis*;

2) как имеющее четкую локализацию во внутреннем телесном пространстве в пределах точки, органа или некоторой области (локализованное ощущение). Описание генерализованных ощущений строится по модели «Я есть тело», в то время как локализованные ощущения описываются моделью «У меня есть тело».

Анализ реальных вербальных репрезентаций первой модели позволяет выявить ряд семантически различных типов. Так, модель «Я есть тело» используется при актуализации ба-

зовой витальной потребности, не зависящей от сознания и произвольности субъекта [11, с. 56]. Таковыми являются, прежде всего, потребности в пище и воде: ср. *I am hungry / thirsty* при невозможности **My body / my stomach is hungry / thirsty*. Интересно отметить, что эта модель используется даже в случае метафорического употребления соответствующих прилагательных: *I was hungry for spiritual community; owners hungry for your business; the majority of freelance writers I meet are hungry for work; they were thirsty for all they could learn; people who are hungry and thirsty for the gospel (COCA [12])*.

Данная модель используется и для описания общего физического тонуса организма. Можно предположить, что это связано с исключительной важностью данного параметра для осуществления полноценной интеллектуальной и духовной деятельности. Недостаточность тонуса отрицательно сказывается на реализации субъектных инициатив, поэтому параметр общего «энергетического» самочувствия признается базовым и приписывается Я, а не его органическому субстрату. Лексическое наполнение модели осуществляется в этом случае лексемами типа *tired/ exhausted/ worn out, etc.: I felt bruised and exhausted to the point of insensibility (P. Conroy. Beach music)*.

В терминах субъектных состояний описывается и болезнь, даже в том случае, если органическое поражение носит локальный характер. Ср.: *John is ill(Br.)/ sick (Am.)* при невозможности **John's heart is ill/ sick*. Категоризация «повинного» в болезненном состоянии индивида органа осуществляется в аксиологических терминах: *bad heart/ liver/ kidneys, etc.: Jim also has a bad heart, so his new allergy to surprises endangers his life, and reduces him to a bedridden invalid in a soundproof room (COCA); You know the list: Lung cancer. Bad kidneys. Heart disease. He's going to die (T. Chiarella. Esquire)*.

Примечательно, что некоторые внутрителесные сенсации, ощущаемые как дискомфорт в определенной области и тем самым более или менее четко локализуемые, также описываются моделью «Я есть тело». Это происходит в том случае, если ощущение приобретает статус перцептивной доминанты и отрицательно сказывается на жизнедеятельности человека. Это ощущение головокружения, описываемое в английском языке лексемами *giddy, dizzy* и отчасти *woozy*, а также тошноты, репрезентируемое лексемами *pukey* и *queasy*: *He suddenly felt – what? Dizzy? No; not dizzy but far (S. King. Needful Things); Curtis was starting to feel woozy. Woozy and pukey (S. King. A Very Tight Place); She felt as queasy now as she had that month of her pregnancy, not long after they were married (A. Davis-Gardner. Butterfly's Child)*.

В то же время отмечены единичные случаи альтернативной категоризации данных состояний посредством модели «У меня есть тело»: *Every bump in the road shook my queasy stomach and set aluminum seat posts chattering (A. Schutz. Dr. Death vs. the Vampire); Visiting different bars in the afternoon and different boites in the evening, after a succulent meal he went home with a dizzy head, his liver and kidneys pumping energetically (COCA)*.

Факт принципиальной возможности альтернативной синтаксической репрезентации сходных ощущений свидетельствует о континуальном характере переживания телесности. Модели «Я есть тело» и «У меня есть тело» репрезентируют два крайних полюса, между которыми располагаются разные варианты телесности [13, с. 56].

Полюс «У меня есть тело» представлен описаниями локализованных ощущений.

Размещение ощущения на полюсе «У меня есть тело» свидетельствует об отстраненном, дистантированном восприятии собственной сомы. Отрицание тождества между человеком и его телом приводит к концептуализации последнего как некоторого атрибута подлинного Я. Человек лишь имеет тело, владеет им, является его собственником и хозяином. Подобное восприятие тела регулярно эксплицируется в английском языке на лексическом уровне: *Do you want to go back to owning a pair of hands that feel full of shrapnel? (S. King. Needful Things)*.

Но еще более наглядно отчуждение от тела концептуализируется на уровне синтаксическом. Ощущения описываются как телесные события, происходящие с «моим желудком», «моим сердцем», «моим кишечником»: *my heart froze / flutters / pounds / thumps / drops; my stomach drops / churns / lurches/ ties in a knot/ tightens/ turns/ clenches / grumbles / vaults to my throat (COCA)*.

Данные языковые факты подтверждают сделанные рядом философов наблюдения относительно того, что в нашем восприятии тело всегда фрагментарно, дробно [14, с. 4]. Тело, как писал В. Подорога, имеет «композиционную фигурацию», и мы относимся к его частям как к автономным органам [15]. Этим органам приписываются субъектные свойства и, как следствие, способность совершать самостоятельные действия: *'What?' My heart starts to thump anxiously (S. Kinsella. Twenties Girl); Brian's heart rose – did more than rise. It soared and did a backover flip (S. King. Needful Things)*.

Еще больший эффект дистантирования от внутреннего тела достигается посредством вербализации interoцептивных ощущений с помощью вербоидных оборотов, в частности

объектного инфинитивного или причастного оборота. В смысловой структуре таких предложений репрезентируются две противостоящие друг другу реальности: психическая (субъект, истинное Я) и соматическая (область внутреннего тела). Истинное Я при этом выполняет функцию регистрации ощущения и его интерпретации, а область внутреннего тела наделяется собственной активностью, что фактически делает высказывание двухсубъектным: *He felt his stomach contract and blood rush to his face* (R. Sheckley. *The Quijote Robot*); *How he felt his heart beating in his throat!* (Th. Pletzinger. *Bruck on the Floor Sings as Quietly as Monk Plays*). Конструкции такого рода репрезентируют особый тип ментальных состояний, при которых человек канализирует внимание, фокусируя его на собственных соматических реакциях. Несколько иной тип состояния вербализуется посредством независимого причастного оборота: *I scrabble in my bag, my heart racing*. (S. Kinsella. *Twenties Girl*). В этом случае interoцептивное ощущение регистрируется сознанием, но не становится когнитивной доминантой, поскольку интенции индивида направлены на взаимодействие с внешней средой: *I hide in the mop closet and listen, my heart beating in the dark* (K. Kesey. *One Flew Over the Cuckoo's Nest*).

Интересно отметить, что именно полюс «У меня есть тело» на уровне вербальной репрезентации в наибольшей степени оформлен глаголами, в то время как полюс «Я есть тело» представлен, главным образом, прилагательными. Предикативность, как известно, «является индикатором усвоенности и большей осмысленности» [16, с. 54]. Тем самым наличие развитого «глагольного словаря» для описания локализованных ощущений свидетельствует о том, что только отдельные части и органы тела имеют в сознании статус полноценного объекта. Тело во всей совокупности своих органических и психических проявлений не синтезировано на ментальном уровне, и в случае описания генерализованных ощущений вопрос о статусе субъекта и объекта познания требует серьезной философской рефлексии.

Еще одним фактором, релевантным для синтаксической репрезентации interoцептивных феноменов, является степень качественной определенности ощущения.

Качественно определенные ощущения репрезентируются на вербальном уровне глаголами и отглагольными существительными, большинство из которых составляет конвенциональный, общеязыковой interoцептивный фонд: *[he] thrust his right hand under the tap. It throbbed like an impacted wisdom tooth* (S. King. *Needful Things*); *His heart was thudding harder again* (S. King. *Gamma*); *I'm hardly aware of being hungry at all. There is a faint, faraway gnawing in my belly, and that's all* (S. King. *Survivor Type*).

С увеличением степени диффузности ощущений расширяется спектр потенциально возможных способов их вербализации, появляется простор для индивидуального словотворчества. Однако анализ языкового материала позволяет выявить общие закономерности в вербализации диффузных interoцептивных ощущений на синтаксическом уровне.

«Смутный» характер ощущения, отсутствие предшествующего interoцептивного опыта такого рода заставляет человека конструировать его описание через модус кажимости. «Когнитивную основу кажимости определяет ее двуплановость, своего рода «двойное бытие», совмещение реального и кажущегося», – пишет Л.М. Ковалева [17, с. 261].

Само представление о «кажущемся» в ситуации interoцепции довольно специфично. Кажимость в данном случае не имеет отношения к степени достоверности ощущения; факт его наличия не вызывает сомнения (ср.: «Я не могу сомневаться в том, что у меня есть боль» – Витгенштейн). Сомнения говорящего относятся скорее к сфере атрибутов ощущения (его качества, интенсивности), а также причин, способствовавших его возникновению. Осознавая субъективный характер ощущения и невозможность его верификации собеседником, говорящий конструирует некий доступный для понимания образ, прекрасно понимая его нереалистичный характер: *“What – I don't –“ But suddenly he did, and his entire midsection first seemed to turn hollow and then to entirely disappear*. (S. King. *Misery*); *The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh* (S. King. *Needful Things*); *He felt the flesh of his testicles crawling madly; his balls seemed to be trying to pull themselves back to where they had come from* (S. King. *Needful Things*).

Использование глагола *seem* позволяет подчеркнуть, что человек осознает несоответствие возникающего ментального образа реально происходящим биологическим процессам. В то же время потребность в экстерииоризации собственного внутрителесного опыта вынуждает говорящего конструировать образы, которые могут быть легко воспроизведены в когнитивном пространстве его собеседника. Конструирование образа через модус кажимости позволяет снять возможные обвинения в анатомическом невежестве: человек не утверждает, что подобное телесное событие имело место, ему лишь *показалось*, что оно произошло.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно представить исчерпывающее описание всех синтаксических моделей, с помощью которых человек вербализует свой внутрителесный

опыт. Мы ограничились рассмотрением лишь наиболее ярких, репрезентативных моделей, позволяющих составить представление о том, каким образом конструируется образ interoцептивного ощущения в когнитивном пространстве индивида. Тем самым мы попытались выполнить одну из сформулированных Е.С. Кубряковой задач: «усмотреть за различием форм разное видение ситуации» [18, с. 117].

Ссылки и примечания:

1. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М., 2004.
3. Романов А.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела: монография. М.; Тверь, 2008.
4. Поляков С.Э. Мифы и реальность современной психологии. М., 2008.
5. Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на материале соматоморфных расстройств): дис... канд. псих. наук. М., 2001.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.; СПб., 2003. С. 220–548.
7. Ковалева Л.М. О когнитивных категориях пропозитивного конституента предложения // Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л.М. Ковалевой и др. Иркутск, 2009. С. 9–20.
8. Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М., 2005.
9. Быховская И.М. "Homo somatikos": аксиология человеческого тела. М., 2000.
10. Круткин В.Л. Онтология человеческой телесности (философские очерки): Монография. Ижевск, 1993.
11. Чеснов Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007.
12. Рупчев Г.Е. Указ. соч.
13. COCA – Corpus of American Contemporary English (<http://corpus.byu.edu/coca/>)
14. Рупчев Г.Е. Указ. соч.
15. Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. М., 1995.
16. Чеснов Я.В. Указ. соч.
17. Ефремова О.В. Субъективная семантика интрацепции при ипохондрических синдромах // Психология субъективной семантики интрацепции. М., 1997.
18. Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. Иркутск, 2008. – 397 с.
19. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о человеке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

References (transliterated) and notes:

1. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu. M., 2007.
2. Kreydlin G.E. Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk. M., 2004.
3. Romanov A.A. Verbo- i psihosomatika: dve karty chelovecheskogo tela: monografiya. M.; Tver', 2008.
4. Polyakov S.E. Mify i real'nost' sovremennoy psikhologii. M., 2008.
5. Rupchev G.E. Psihologicheskaya struktura vnutrennego telesnogo opyta pri somatizatsii (na materiale somatomorfnyh rasstroystv): dis... kand. psih. nauk. M., 2001.
6. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya // Yazyki kak obraz mira. M.; SPb., 2003. P. 220–548.
7. Kovaleva L.M. O kognitivnyh kategoriyah propozitivnogo konstituenta predlozheniya // Kognitivnye kategorii v sintaksise: collective monograph / ed. by L.M. Kovaleva, et al. Irkutsk, 2009. P. 9–20.
8. Psihologiya telesnosti mezhdushoy i telom / ed. and comp. by V.P. Zinchenko, T.S. Levi. M., 2005.
9. Byhovskaya I.M. "Homo somatikos": aksiologiya chelovecheskogo tela. M., 2000.
10. Krutkin V.L. Ontologiya chelovecheskoy telesnosti (filosofskie ocherki): Monograph. Izhevsk, 1993.
11. Chesnov Y.V. Telesnost' cheloveka: filosofsko-antropologicheskoe ponimanie. M., 2007.
12. Rupchev G.E. Op. cit.
13. COCA – Corpus of American Contemporary English (<http://corpus.byu.edu/coca/>)
14. Rupchev G.E. Op. cit.
15. Podoroga V.A. Fenomenologiya tela: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. M., 1995.
16. Chesnov Y.V. Op. cit.
17. Efremova O.V. Sub"ektivnaya semantika intratseptsii pri ipohondricheskikh sindromah // Psihologiya sub"ektivnoy semantiki intratseptsii. M., 1997.
18. Kovaleva L.M. Angliyskaya grammatika: predlozhenie i slovo: monografiya. Irkutsk, 2008. – 397 p.
19. Kubryakova Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o cheloveke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M., 2004.